

ОХОТА ЗА ВРЕМЕНЕМ

Леонид Салмин

Ювелир Эдуард Никитин — из тех профессионалов, кого обозначают модным словом «перфекционист», из тех редких в наши дни мастеров, кто никуда не спешит, работая по гамбургскому счету, без скидок на далеко не всегда благоприятные обстоятельства, на трудности понимания широким зрителем его образного языка и тому подобные псевдопрепятствия. Словно бы именно затем чтобы подчеркнуть, что живет и творит он в большом и непрерывном историческом времени, так немилостивом к мелочной суете и жалкой выгоде момента, Никитин с легкостью выбирает для своих работ темы, отстоявшие от дня сегодняшнего на полтысячелетия, а то и поболее.

Гарнитур под названием «Королевская охота», включающий кольцо, брошь и колье — из разряда тех самых бескомпромиссных произведений, которые долго зреют в почве авторского замысла, оттачиваются до предельной точности в авторском воображении, становятся изматывающим испытанием для авторского ремесла и, в конечном итоге, воплощаются в драгоценном материале, дабы заточенной стрелой образа пробить плотные толщи времени.

Для Никитина тема королевской охоты — не фабульно плоская, выдуманная story, а полная сюжетных напряжений, настоящая history. Похоже, вооружившись золотым арбалетом, художник сам устроил себе поистине королевскую охоту на время — стремительно убегающее, напряженное, сжавшееся испуганным оленем. Как соблазнительна такая символическая трактовка этого образа! Обернув к настоящему полные ужаса глаза, великолепный Олень-Время бешеным стуктом энергии, золотой пулей мчится прочь, в вожаемую гармонию прошлого, унося на себе бриллиантовый свет жизни. Словно сердце выскакивает из груди. Не случайно же это брошь, нагрудное украшение.

Как у ювелира у Никитина не только точнейшая образная интуиция, простреливающая защитные доспехи истории. У него удивительное культурологическое чувство тела. Он создает работы, интерпретирующие человеческое тело как символический ландшафт, как живой, полный глубокого смысла исторический пейзаж. Но в этом нет

изобразительной буквальности, он не превращает тело в шоу (show), не разворачивает на нем действия (action), он выстраивает символический словарь остановленных мгновений, он распределяет в космосе тела драгоценные знаки возможного, знаки тождества тела и человеческой истории. Арбалет, украшающий колье, вроде бы заряжен, готов к выстрелу, но при этом мирно подвешен у сердца, направлен стрелой вниз, к земле, а значит, остановлен в точке осознания возможного, в точке понимания необратимости времени. Кольцо-корона не просто венчает палец, она коронует одинокое, как перст, королевское высочество в миг осознания им убийственной силы его власти. И перст, вольный высвободить тетиву, ответственно и мудро застывает, не торопясь убивать время.

«Королевская охота» — не просто гарнитур, элементы которого сопологаются в едином ансамбле. Никитин создает драгоценную триаду, части которой как бы раздвигает в воображаемом пространстве событий, дистанцирует их друг от друга в ландшафте тела и во времени истории. Вряд ли кому-то придет в голову одновременно надеть, к примеру, колье и брошь. Да, они из одного гарнитура. Но они из разных мгновений жизни, из разных ее смысловых ситуаций. Будто именно для того, чтобы обозначить эту ключевую разнесенность во времени важнейших смысловых точек жизни и истории, мастер как бы наводит легкое sfumato на историческую перспективу, смещает образы, расплавляет твердый скелет хронологии вневременной экспрессивностью образа. А просвещенный зритель, терзаемый школярским желанием угадать иконографические источники авторского вдохновения, зачарованно бродит в затуманенном межвековом пространстве между разлитой братьями Лимбургскими лазурью «Великолепного Часослова герцога Беррийского» и орнаментальной вязью североевропейских гобеленов раннего Возрождения...

Мастер-ювелир с вполне королевским именем Эдуард никуда не спешит. Он очень вдумчивый охотник за временем. Он не убивает время. Он его ловит. Ловит, чтобы, прочувствовав его все до мельчайшего мгновения, навсегда в нем раствориться. ■

Фото С. Иванов